

Стихи и проза, лед и пламень...

Николаев С.Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста.

М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 640 с. — 300 экз.

Книга лингвиста С.Л. Николаева, несомненно, относится к числу наиболее значительных работ по «Слову о полку Игореве», изданных в последние годы. Ее автор не только реконструировал текст древнерусской «песни» как метрически упорядоченного (стихотворного) произведения, но и попытался воссоздать памятник в первоначальном фонетико-орфографическом виде, предложил многочисленные эмендации текста с подробными лингвистическими обоснованиями, а также подготовил новые комментарии. Кроме того, он скрупулезно описал язык «Слова», составил акцентологический словарь употребленных в нем лексем с обстоятельными доказательствами расстановки ударений. Наконец, на основе исследования фонетических, морфологических и лексических диалектизмов С.Л. Николаев высказал предположение о местности, родом из которой был автор древнерусской «повести». Новая монография о «Слове», являясь исследованием, во многом претендующим на новаторскую трактовку вопросов поэтики и происхождения знаменитого памятника, бесспорно заслуживает обстоятельного рассмотрения.

Не будучи лингвистом, предпочту не оценивать правомерность акцентологической реконструкции С.Л. Николаева, ограничившись лишь несколькими замечаниями. Автор рецензируемой книги так объясняет свой метод реконструкции: «Поскольку копии XVIII века не содержат информации об ударении в “Слове”, а русские акцентуированные памятники известны лишь с XIV в. и локализируются в иных диалектных ареалах <...> ударение в “Слове” приходится реконструировать комбинаторным способом» (с. 56) — в том числе обращаясь к данным диалектологии, а также используя результаты компаративных исследований в области праславянской акцентологии. Однако все эти данные, как известно, плохо освещают состояние раннедревнерусского языка — языка времени «Слова»¹. Уже поэтому реконструкция С.Л. Николаева носит отчасти вероятностный характер, чего, впрочем, не отрицает и автор.

Одним из ключевых положений, на которых основана реконструкция С.Л. Николаева, является гипотеза о факультативном прояснении редуцированных в слабой позиции при чтении/исполнении «Слова». Идея эта не новая: ее достаточно давно высказал поэт, историк и археолог А.Ю. Чернов, также основавший на ней свою реконструкцию метрики памятника; гипотезу поддержала лингвист А.В. Дыбо². Для

-
- 1 Показательно в этой связи, что в книге, одним из соавторов которой был С.Л. Николаев, реконструируется и описывается, с одной стороны, акцентуация в праславянском языке, а с другой — в позднедревнерусском, в то время как ударение в раннедревнерусском языке не рассмотрено; см.: Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990.
 - 2 Из многочисленных исследований А.Ю. Чернова и изданий его реконструкции ограничусь упоминанием об относительно недавней книге и соответствующей публикации реконструированного текста «Слова»: Чернов А. Хроники изначального времени: «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006.

обоснования этой точки зрения автор рецензируемой книги ссылается на факт проношения еров в слабой позиции при исполнении литургических текстов, характерный для древнерусской церковной традиции (с. 44). Ссылка эта, однако, не может быть сильным аргументом: богослужебные тексты написаны так называемым молитвословным стихом, падение редуцированных разрушило их ритм и затруднило исполнение на богослужении — произнесение еров в слабой позиции при пении объяснялось стремлением восстановить их ритмическую организацию. В случае со «Словом», метрическая организация которого неочевидна, гипотеза о факультативном произнесении редуцированных в слабых позициях опирается на презумпцию стихотворной природы памятника, то есть выглядит как подгонка материала под заранее заданный результат. Вторым аргументом в пользу гипотезы об установке автора «Слова» на прояснение еров в слабой позиции являются звуковые повторы, в которых эти редуцированные должны участвовать: «[О]тказ от прояснения слабых еров в “Слове” приводит к тому, что теряется значительная часть звуковых повторов; именно их очевидность заставляет исследователей считать слабые редуцированные хотя бы факультативно “звучащими”» (Там же). Но само выделение этих повторов достаточно субъективно. В частности, повторы сочетаний согласных и редуцированных гласных можно в отдельных случаях трактовать как повторения одних лишь согласных, то есть как чистые аллитерации.

Примерно так же выглядят и случаи расстановки в реконструкции метрических ударений — акцентов, не совпадающих с ударениями языковыми, фонологическими: «Иногда стихотворный метр диктует выбор “менее очевидного” варианта. Например, согласно метру *столь* имеет в языке “Слова” накоренное ударение (Р. *стóла*, Д. *стóлу*) — вопреки фонологически “правильным” *столá*, *столу́*» (с. 59). Расстановка ударений здесь оказывается обусловлена принципом, заданным исследователем.

Такие предположения были бы вполне оправданы, если бы в произведении прослеживался бесспорный метр. Но в случае с текстом, наличие метрической организации которого спорно, пренебрежение исследователя языковым ударением в пользу предполагаемого метрического представляется уязвимым.

Недостаточно обоснованна и частичная замена в реконструированном тексте неполногласных форм, читающихся в Екатерининской копии и первом издании 1800 г. полногласными. С.Л. Николаев полагает, что «[ч]резмерное употребление неполногласных форм в литературном произведении, сочиненном на восточнославянском диалекте, представляется странным» (с. 38). Однако утверждение, что «Слово» было написано на «восточнославянском диалекте», а не на гибридном церковнославянском, не бесспорно. (Проблемы языка, на котором написано «Слово», я коснусь ниже.) С.Л. Николаев считает возможным сохранить неполногласные формы лишь в тех случаях, когда они вступают в фонетическую игру с близко расположенными словами. Это решение, существенно влияющее на реконструкцию метрики памятника (полногласные формы больше неполногласных на один слог), не лишено субъективизма. Автор книги и сам признает, что его реконструкция в отдельных местах гипотетична (с. 68).

Самое любопытное и вместе с тем самое уязвимое в книге С.Л. Николаева — это характеристика метрики памятника. В отличие от А.Ю. Чернова, считающего,

С. 84—168, 390—409. См. также: *Дыбо А.В.* Проблема реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве» с лингвистической точки зрения // Там же. С. 434—437. С.Л. Николаев в своей книге отмечает приоритет А.Ю. Чернова и А.В. Дыбо (с. 44 и др.) в этом отношении, а также сообщает, что его концепция в целом очень многим обязана А.Ю. Чернову и отчасти является плодом их сотрудничества.

тоническим⁵, причем с регулярной «дактилической» клаузулой, редко встречающейся в реконструируемом С.Л. Николаевым тексте «Слова». При этом отдельные строки в фольклорном эпическом стихе могут «звучать», как выразился М.Л. Гаспаров, то силлаботоническими размерами, то дольником, то тактовиком⁶. Но именно «звучать»: они никак не относятся к силлаботонике в собственном смысле, поскольку этот принцип стихосложения в фольклоре отсутствовал как система. Предложенная С.Л. Николаевым реконструкция стиха двух былин из сборника Кирши Данилова не убеждает, что они написаны неравносложным силлаботоническим дву- и трехсложным стихом, так как основывается на тех же точно положениях, что и реконструкция стиха «Слова» (с. 93—96). Из метрических схем С.Л. Николаева следует, что основой в обеих былинах является четырехиктный акцентный стих, а не силлаботонические размеры.

Излагая смелую гипотезу о написании «Слова» неравносложным силлаботоническим стихом, С.Л. Николаев никак не соотносит его с поэтикой древнерусской словесности, в которой использовались молитвословный стих и тактовик, но нет примеров силлаботонических текстов. Статус древнерусской «песни» вообще остается неясным. С одной стороны, ученый принимает гипотезу А.Ю. Чернова, что автор произведения назвал в тексте свое имя — Ходына⁷, и это предположение выводит «Слово» за рамки фольклора, хотя и допускает его создание на скрещении устной и письменной словесности. С другой стороны, параллели с фольклорным стихом и предположение об использовании автором древнерусской «повести» черниговского (или чернигово-киевского) песенного репертуара скорее свидетельствуют об укорененности этого произведения именно в устной традиции. При этом реконструкция С.Л. Николаева предполагает весьма точную запись «Слова» либо автором, либо каким-то писцом. Однако случаи воспроизведения древнерусскими книжниками элементов песенного фольклора, как об этом свидетельствуют, например, списки «Задонщины», показывают, что при такой фиксации песенная метрика разрушалась. С.Л. Николаев пытается выявить обломки силлаботонических стихов в «Повести временных лет» и в «Поучении» Владимира Мономаха, однако результаты таких усилий далеко не бесспорны. Так, в Мономаховом

5 Там же. С. 22. Дж. Бейли, доказывая существование в народной эпической поэзии хореического метра, считает силлаботонику лишь одним из двух метрических принципов — наряду с акцентным стихом; см.: *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому народному стиху / Пер. с англ. под общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 228—232, 444—386.

6 *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. С. 23.

7 Эта гипотеза, исходящая из конъектуры, впервые предложенной И.Е. Забелиным, по-моему, несостоятельна, так как в «Слове» (если принять исправление, при котором появляется имя Ходына) Боян и предполагаемый Ходына названы песнотворцами одного князя по имени Святослав: «Святъслава пѣстворца» (Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской типографии, 1800. С. 44), а Боян жил лет за сто до автора «Слова». Мнение А.Ю. Чернова, что одним словом могли быть сразу обозначены и Святослав Ярославич, современник Бояна, и Святослав Всеволодович, современник автора, абсурдно. Замечание, что в другом месте «песни» также объединены в одном имени два князя — Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович, несостоятельно: здесь Игорь и его брат Всеволод названы Святославичами по их подлинному отцу, а их двоюродный брат Святослав Всеволодович чуть дальше назван отцом по месту в иерархии власти. Никакого слияния двух князей в одном именовании здесь нет. См.: *Чернов А.* Поэтическая полисемия и сфрагиды автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986. С. 288—289.

сочинении он находит метрически упорядоченный фрагмент об охотничьих походах киевского князя, который прямо называет древнерусскими стихами, как и ряд летописных фрагментов (с. 75—92). Например, это строки: «Вѣпрѣ ми нѣ бедрь / мѣчѣ ѳтъялѣ. / Медвѣдь ми у колѣна / подѣклѣда укусилѣ», в которых якобы сменяют друг друга дактиль, хорей и ямб и опять хорей. Однако статус этого условно вычленяемого «стихотворного» фрагмента неясен, непонятна интенция князя-книжника, почему-то вдруг переходящего от прозы к «стиху». Видимо, перед нами просто использование ритмизации как средства выразительности, отнюдь не делающее процитированные строки стихами, тем более силлаботоническими. (В противном случае мы должны предположить, что Мономах намеренно смешивал разные принципы и жанры, как это делалось в античной менипповой сатуре, где соединение прозы и стихов было значимым нарушением правил, установленных культурной традицией и описанных в поэтиках и риториках — на Руси же таких правил и трактатов не было.)

С.Л. Николаеву не удалось, как мне представляется, не только доказать использование в «Слове» принципа неравносложной силлаботоники, но и вообще стихотворную природу этого текста. Текст «Слова», несомненно, ритмически организован, однако в нем, как подчеркнул М.Л. Гаспаров, нет единого принципа ритмической организации (как и нескольких последовательно сменяющихся друг друга или чередующихся)⁸. А потому, если использовать оппозицию стих — проза, нужно признать «Слово» памятником прозаическим⁹. Отдельные, даже «правильные», силлаботонические стихи ни о чем не говорят: это так называемые случайные метры, постоянно встречающиеся не только в художественной прозе¹⁰, но и в инструкциях, надписях и т.д. (Хрестоматийный пример: надпись «Изотермический вагон для скоропортящихся грузов» может быть интерпретирована как два стиха четырехиктного ямба с пиррихиями.)

Против стихотворной природы памятника свидетельствует отсутствие регулярно повторяющихся словесных формул в одних и тех же метрических позициях — это, как показали А. Лорд и М. Перри, признак фольклорного и раннелитературного эпического стиха в самых разных традициях (например, в сербских юнацких песнях и в поэмах Гомера)¹¹. Формульность в «Слове» есть¹², но она спорадическая, и ее приуроченность к определенным метрическим позициям не вы-

8 См.: *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. С. 21. С.Л. Николаев об этом невыгодном для его концепции факте не упоминает.

9 Но, строго говоря, как отметил М.Л. Гаспаров, в Древней Руси до XVII в. вместо оппозиции стих — проза существовала оппозиция: текст, предназначенный для пения, — текст, предназначенный для произнесения; см.: *Гаспаров М.Л.* Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // *Русское стихосложение: традиции и проблемы развития* / Отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 265.

10 Ср. примеры: *Казарцев Е.В.* Сравнительное стиховедение: Метрика и ритмика. СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 12—13.

11 См., например: *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М.: Наука, 1994.

12 См. в этой связи прежде всего работы Р. Манна, считающего «Слово» записью устного произведения: *Манн Р.* Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР*. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1985. Т. 38. С. 514—519; *Он же.* Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // *Исследования «Слова о полку Игореве»*. С. 129—137; *Он же.* «Песнь о полку Игореве». Новые открытия. М.: Языки славянской культуры, 2009; *Mann R.* Lances Sing. A Study of the Igor Tale. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1990; *Idem.* The Silent Debate Over the Igor Tale // *Oral Tradition*. 2016. Vol. 30/1. P. 53—94.

явлена. Соединение в «Слове» фольклорно-мифологических элементов и мотивов из Священного Писания, прекрасно показанное Б.М. Гаспаровым¹³, как и сочетание героико-эпического и сказочного кодов¹⁴, тоже говорит против концепции С.Л. Николаева: памятник с такой структурой, вбирающий признаки различных жанров, не мог быть ни фольклорной песней, ни феноменом гипотетической авторской дружинной поэзии: для этого он слишком сложен. А.А. Зализняк обратил внимание на то, что в «Слове» присутствуют как признаки оральности, сближающие язык памятника с языком новгородских берестяных грамот и реплик, зафиксированных летописцами (например, это действие закона Вакернагеля), так и признаки, свойственные книжным текстам (к примеру, отказ от повторяющихся предлогов в составе словосочетания и использование аориста и особенно имперфекта)¹⁵. Такие свойства «Слова» как будто бы подтверждают, что это оригинальное произведение, родившееся в результате сложного взаимодействия разных типов словесности и поэтик, а не простая фиксация некоего сочинения песенного типа.

Для С.Л. Николаева, как ранее и для А.Ю. Чернова, еще одним доказательством стихотворной природы «Слова» являются рифменные созвучия, рифмоиды, которые автор рецензируемой книги называет хендингами: «Применительно к “Слову” этот термин скальдической поэтики используется для обозначения регламентируемых звуковых повторов, с помощью которых осуществляется рифмовка между смежными строками и/или внутри строки. Хендинги, как правило, включают один гласный и один или несколько согласных звуков. В редких случаях хендинги состоят только из согласных или из одного гласного» (с. 103). В качестве примера так называемого стандартного хендинга — «точной рифмы» исследователь приводит строки: «ордї кдѣк<о>том на кости звѣри зовѣтѣ / лисїци брѣшуть на чер<в>лѣныи щиты», замечая: «Эти две строки рифмованы стандартными хендингами *ли-ли, ле-ле, ер-ер*, а также нестандартным хендингом *ве-вле*» (с. 106).

Однако, независимо от бесспорности или спорности выявления конкретных хендингов (в процитированных строках указанные созвучия несомненны)¹⁶, эти рифмоиды вовсе не являются сами по себе доказательством стихотворной органи-

13 См.: *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». [Изд. 2-е]. М.: Аграф, 2000. См. также: *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 430—443. Впрочем, не со всеми параллелями между «Словом» и ветхозаветными текстами, которые проводит автор статьи, можно согласиться.

14 См. об этом: *Ранчин А.М.* «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. М.: Нестор-История, 2019. С. 33—80.

15 См.: *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 120 и др. Об аористе и имперфекте как о книжных формах, первая из которых вероятно, а вторая несомненно отсутствовали в живом древнерусском языке XII в., см.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 123—124; *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 215; *Живов В.М.* История языка русской письменности. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1. С. 604—657.

16 Попытка С.Л. Николаева обнаружить хендинги также в произведениях Пушкина и Некрасова, например в строках «Печальная монахиня-царица / Как он тверда, как он неумолима» из «Бориса Годунова» (с. 127—129), несостоятельна и грешит антиисторичностью: если в архаическом стихе такие созвучия были важны для распознавания с прозой, то в пушкинской и некрасовской силлаботонике в них нет никакой нужды: эти созвучия нефункциональны и случайны; звукопись этих поэтов, особенно Пушкина, намного более сложна и изощрена.

зации текста — ни в скальдической поэзии (где они сочетаются с метрическим принципом, который и делает сочинения скальдов стихами), ни в «Слове». Такими они стали бы лишь в одном случае: если бы регулярно маркировали окончания строк, то есть если бы были рифмами в самом непосредственном смысле слова. Но такой функции они не выполняют. Хендинги не более чем сопутствующий признак стиха — не необходимый и не достаточный. Отчасти аналогичные созвучия-рифмоиды, в греческой риторике именовавшиеся гомеотелевтами, в изобилии имеются в древнерусской прозе, особенно в так называемом стиле плетения словес. В отличие от рифмы они нерегулярны¹⁷.

Еще одной новаторской идеей С.Л. Николаева является утверждение о признаках торопецко-селижаровской диалектной локализации древнерусского памятника (с. 193—250). Изучение языка «Слова» в сравнении с русскими диалектами велось уже много десятилетий. На этом фоне исследование С.Л. Николаева отличается скрупулезностью и комплексным характером: учитывается не только лексика, как это бывало обычно прежде, но и фонетика, и морфология. Тем не менее вывод убеждает не вполне. (Не являясь лингвистом, осмеливаюсь оценить не языковедческую часть штудий ученого, а скорее логику его рассуждений.) Во-первых, совершенно не очевидно, что этот текст написан на древнерусском языке/диалекте, а не на гибридном церковнославянском. Использование автором «песни» таких книжных форм, как аорист и особенно имперфект, говорит в пользу второй точки зрения. Во-вторых, нам практически неизвестно состояние древнерусских диалектов, синхронное времени вероятного создания «Слова»¹⁸. (Исключение — детально охарактеризованный А.А. Зализняком древненовгородский диалект, на котором написаны большинство берестяных грамот.) Почти все данные о древнерусских диалектах, отраженные прежде всего в современном «Словаре русских народных говоров», весьма поздние. В-третьих, «Слово» при переписывании в течение нескольких столетий (между утраченным списком и оригиналом около трех веков) могло обрасти немалым количеством диалектных наслоений, не имеющих никакого отношения к авторскому тексту¹⁹. Интересно, что С.Л. Николаев отмечает присутствие в древнерусской «повести» большого пласта юго-западной лексики, но интерпретирует этот факт не как аргумент в пользу черниговского или киевского происхождения автора, а как свидетельство ориентации на киево-черниговский «дружинный эпос» (с. 248). Все это могло быть. Но остается не более чем догадками: никакого киево-черниговского дружинного эпоса мы не знаем, и вычленив такой пласт в «Слове» с достаточной определенностью мы не можем.

Из всего сказанного выше вовсе не должен следовать вывод о том, что книга С.Л. Николаева бедна ценными выводами и малополезна для изучения самого известного и загадочного памятника древнерусской словесности. Напротив, реконструкция акцентуации лексики, используемой в «Слове», — плод кропотливого труда, имеющий большое значение как для лингвистики, так и для изучения Игорева «песни». Предложенные эмендации и конъектуры, внесенные в текст па-

17 См. о них: *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 226—241.

18 О невозможности точной диалектной локализации памятника из-за «ограниченности сведений» о древнерусских диалектах писал В.В. Колесов; см.: *Колесов В.В.* Диалектизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игорева» / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 108.

19 Показательно, что два известных лингвиста — А.А. Зализняк и А.В. Дыбо — разошлись в оценке исконности некоторых словоформ в этом произведении; см.: *Дыбо А.В.* Проблема реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игорева» с лингвистической точки зрения. С. 425, 429.

мятника, требуют самого внимательного отношения. Заслуживает внимания и комментарий. Интересны наблюдения над рифмоидами-«хендингами». Нужно тщательно изучать сделанные ученым выводы о диалектной основе памятника. Наконец, исследование С.Л. Николаева по-новому заостряет (независимо от намерений автора) вопрос об устных и книжных истоках «Слова».

Но в давнем споре о прозаической или стихотворной природе древнерусской «повести» книга точку не ставит и, вопреки намерениям ее автора, свидетельствует скорее в пользу прозы. Причина прежде всего в невольном создавшемся «локальном конфликте» между лингвистикой и литературоведением, в том числе стиховедением. В книге С.Л. Николаева стихи «Слова» анализируются вне системы, вне текста как целого, неравносложная силлаботоника, якобы присущая памятнику, рассматривается вне контекста времени, а само «Слово» как бы изымается из современной ему словесности. Реконструируемые якобы стихотворные фрагменты из летописи и «Поучения» Мономаха — это контекст сугубо гипотетический. Между тем даже «правильные» силлаботонические «стихи» в составе «Слова» могут быть восприняты как хорей, ямбы или дактили только на фоне почти трехвекового существования «настоящей» силлаботоники, внедренной в русскую поэзию стараниями Третьяковского и Ломоносова. Книга С.Л. Николаева стимулирует рефлексию по поводу русской словесности и русской поэзии, и за это ее автор тоже заслуживает несомненной признательности.